

*Посвящается Хавьеру
и Марии-Луисе Корберо*

Предисловие

Эта книга должна была быть тоньше. Сначала, в 1987 году, я намеревался, в помощь приезжающим в Барселону, написать о модернистском периоде, то есть периоде «ар нуво» (приблизительно 1875—1910 годы) в этом городе, сосредоточившись в основном на архитектуре.

Позже концепция изменилась. Осуществить первоначальный план значило бы изучать листву дерева, не принимая в расчет ствол и корни. В основе многого из того, что было построено в Барселоне в конце XIX века, лежит прошлое Каталонии, особенно средневековое прошлое, так что нет никакого смысла пытаться описать новое без старого. Более того, желание возродить славу средневековой Каталонии, которое так остро ощущали барселонские архитекторы периода *fin de siècle*¹, разделяли также писатели, художники и скульпторы. Оно подкреплялось стремлением к политической независимости от Мадрида и потребностью в культурной преемственности, выразившейся в борьбе за каталанский язык.

Что все города формирует политика — трюизм. Но в отношении Барселоны это особенно справедливо и очень

¹ Конец века (фр.).

заметно. Взять хотя бы Антони (Антонио¹) Гауди, единственного широко известного каталонского архитектора. Его работы трудно воспринимать, не уяснив себе его взглядов на прошлое Каталонии, на ее автономию, не учитывая его патриархального консерватизма. Именно здесь нужно искать ключ к тому, почему богатые покровители, например (наиболее значительным и заметным из них был Эусеби Гюэль) нанимали Гауди: он не только был гениальным архитектором, но и разделял их политические убеждения. История архитектуры Барселоны написана по его плану, и невозможно понять ее, особенно архитектуру XIX столетия, когда имел место мощный взрыв национального самосознания, не уяснив себе местного колорита этих зданий, который иностранцы часто склонны приписывать «всего лишь» фантазии Гауди.

Временной промежуток, который охватывает эта книга, равен почти двум тысячам лет, с момента появления Барселоны как крошечной римской колонии во времена Августа в первом столетии н. э. — до смерти Гауди в 1926 году. В книге кратко освещены римский, вестготский, мавританский и франкский периоды развития города — приблизительно до 900 года. Затем мы делаем перерыв на тысячу лет и особое внимание уделяем второй половине XIX и первой четверти XX века. В первой главе подводятся некоторые итоги франкистского периода (1939—1975) в градостроительстве и культуре вообще, но мы не останавливаемся на республике и гражданской войне, так как этот период истории Барселоны более чем подробно освещен историками неиспанского происхождения, и для того, чтобы писать о нем, нужны знания, которыми я не обладаю.

Похоже, в наступающем десятилетии мы увидим свертывание модели культурной деятельности, которая так хорошо

¹ В скобках даются кастильские, как в данном случае, либо каталанские варианты имен. — *Здесь и далее примеч. ред.*

подходила модернизму — модели, полученной в наследство от папского Рима и от Парижа XVII—XIX веков, идеи города-центра, диктующего законы и нормы провинциям и колониям. Возможно, последним городом, принявшим на себя такую роль, был Нью-Йорк, чей расцвет длился приблизительно с 1925 по 1975 год. В постимперском мире, разьединенном неистребимым национализмом, тем более в Европе, где — о ирония судьбы! — снова на подъеме националистические настроения, часто самого отвратительного и расистского толка (при том, что уже вполне развиты структуры объединения Европы), культура имеет тот же уклон, что и политика, и все больше тяготеет к местным особенностям, уходя в сторону от мейнстрима. Работая над книгой о Барселоне, я хотел написать о культуре, которая с точки зрения крупных столиц была «провинциальной». (Можно понять мое подсознательное влечение к этой теме: я сам — провинциал, австралиец.) Хотя каталонский политический сепаратизм отвергнут правительством Каталонии в сентябре 1991 года и теперь представляется политически мертвым, если не считать исповедующих его нескольких персон, ностальгирующих по прошлому, и краснобаев (вряд ли он мог пережить демократические изменения в Испании, имевшие место после 1975 года), тем не менее уверенность в своей культурной отдельности в рамках общего иберийского организма в Каталонии сохраняется. Она придает сил, она же служит источником самооболащания для писателей, архитекторов, художников, многие из которых всегда понимали свою деятельность как постоянное опровержение централизма; и результаты их активности часто выходили за пределы централистских представлений о чем-то «местном».

И еще об одном следует сказать. Эта книга ни в коей мере не задумана как «ученый труд». Она призвана дать общее представление о Барселоне. Книга написана с опорой на вторичные источники и не претендует на академически строгую точность, хотя я очень старался не исказить фак-

тов. Ничто в этой книге не адресовано напрямую специалисту по каталонской истории. Это должно быть понятно, например, по отсутствию сносок. Для тех, кто хочет более детально проследить историю Барселоны — а это лучше сделать по-каталански или по-испански, — я снабдил книгу библиографией, включающей в себя использованные источники. Чтобы написать эту книгу, и, я надеюсь, это заметно, мне пришлось многое увидеть, много прочитать и много где побывать за двадцать лет. И тем не менее книга рассчитана на массового, хотя, безусловно, умного читателя. Я понял, что человек, для которого я пишу, — это, может быть, я сам, только моложе, такой, каким я впервые подпал под обаяние этого города, названного Жоаном (Хуаном) Марагалем *la gran encisera*, «великой обольстительницей»; я — в свои первые приезды в Барселону; я — еще не умеющий ни читать, ни говорить на ее языке, незнакомый с нею, но уже ощущающий к ней огромный интерес.

Я благодарен за помощь в написании этой книги главным образом двум людям: Марси Рудо, ученому, чей вклад как в исторические изыскания, так и в подбор иллюстраций бесценен; и Хавьеру Корберо, по-дружески позволявшему мне часто и подолгу бывать у него в доме во время исследовательского этапа работы и собственно написания книги. Другие тоже оказывали мне честь, направляя, подбадривая меня, предоставляя информацию, и они вовсе не виноваты в тех ошибках и неточностях, которые неизбежно случаются, если, не будучи испанцем, пытаешься разобраться в запутанной каталонской истории. Эти люди: Хосеп Асебельо, Ориоль Боигас, Виктория Комбалиа, Бет Гали, Луис Гойтисоло, Жорди Льовет, Дэвид Маккей, Маргарита Обиольс, Хавьер Руберт де Вентос и Мария-Луиса Тифон.

Цвет убегающей собаки

I

Бывают дни, когда можно увидеть всю Барселону, не сходя с места. Точка обзора — старая ярмарка в горном массиве Колсерола за городом, известная как Тибидадо. Это странное название восходит к латинской фразе «Я дам тебе» — словам, сказанным дьяволом Иисусу Христу, когда тот поднял Христа на гору и показал ему земные просторы во всей их соблазнительности. Иисус отказался от предложенного дара. Сегодняшнему туристу вовсе не следует поступать так же. Когда погода плохая и над Барселоной висит купол зноя, выхлопные газы машин спрессованы в коричневый смог, тянущийся к морю, и лишь несколько современных небоскребов и башни церкви Саграда Фамилия Антони Гауди, подобно оплывающим свечам, пронзают хмурое небо, — тогда и с горы открывается тягостное зрелище. Но уже на следующее утро задувает ветер и уносит грязный воздух, и весь город кажется умытым, обновленным, девственно чистым.

Барселона — целых три города, очень разных, и самый новый включает в себя тот, что старше, а внутри него — са-

мый старый. По периметру, обозначенному лентами авто-
страд, располагаются индустриальные пригороды, вырос-
шие после 1945 года, при диктатуре Франко. Это продукты
безудержного, непланомерного роста 1950-х и 1960-х го-
дов. На юг они тянутся к реке Льобрегат, а на север — к
реке Бесос. Это фабрики и полигоны, а также жилые масси-
вы для сотен тысяч рабочих-мигрантов, наводнивших Бар-
селону и значительно изменивших ее социальный облик.
Внутри — относящаяся к XIX веку сетка Эйшампле (Рас-
ширения), занимающая прибрежные области, где склоны
гор спускаются к Средиземному морю. Это Новый город,
ковер с часто повторяющимся узором из площадей и ско-
шенных углов, пересеченный длинными улицами. Все это
было начерчено на бумаге в 1859 году и в основном вопло-
щено к 1910 году. Там, куда вторгается залив, регулярность
планировки нарушается, все приходит в смятение, город
становится скоплением беспорядочно толпящихся построек,
среди которых возвышаются более старые на вид здания:
башни, готические шпили. Это старый город, Барри Готик,
Готический квартал. Справа от него — гора Монжуик
(Монжуик). За горой — ровная гладь Средиземного моря,
голубая, шелковая, сверкающая. Море, удаленный от него
хребет, равнина, горы — вот из каких элементов состоит
этот город.

Я влюбился в Барселону, если не ошибаюсь, весной 1966 го-
да. В то время я знал очень мало испанских слов, не говоря
уже о каталанских, а причина моего приезда в этот город
была весьма опосредованной — я сдвинулся на Джордже
Оруэлле и хотел увидеть место, перед которым он благого-
вел, — единственный европейский город, тронувший этого
островного жителя, этого англичанина настолько, что он пи-
сал о нем с истинной сердечной привязанностью. И еще у
меня был друг-каталонец, которого я встретил в Лондоне.
Отношения с ним стали для меня ключом к этому городу.
Это один из последних барселонских денди, скульптор Ха-

вьер Корберо, миниатюрный и жилистый, с тонким, как нож, цыганским носом, кудахчущим смехом, острым юмором и способностью вырезать из мрамора прихотливые раковины, крылышки и полумесяцы. Страстным желанием Корберо, разделяемым другими молодыми каталонцами, писателями, экономистами, врачами, архитекторами, начинающими политиками, было помочь Барселоне вернуть себе хотя бы часть былого блеска, каким она обладала за столетия до их рождения, в 1880-х годах, и о котором в 1966 году не помнил никто, кроме самих каталонцев.

Но это не останавливало Корберо и его друзей. Мой приятель жил на скромной *masia*, то есть ферме, сохраненной вместе с остальным деревенским пейзажем, к югу от города, в *Esplugues de Llobregat*. «Esplugues» — значит «пещеры», и действительно, место кажется изрытым катакомбами еще римских времен. Корберо, помнится, хранил в этих подземельях тысячи бутылок великолепного вина. Их не складывали аккуратно, а просто наваливали друг на друга, и поблекшие от сырости наклейки были изгрызены крысами. В этом лабиринте терялось всякое ощущение времени и пространства. Да еще гости-полиглоты, которых всегда было полно в доме. Но каждое утро, подобно сбитой с толку летучей мыши, я вылезал на залитый бело-золотым светом берег и направлялся в сторону города — изучать, если только можно употребить это слово, работы Гауди и его окружения, копаться в ящиках с брошюрами, карточками и старыми фотографиями в темных и тесных книжных лавочках Готического квартала, а потом, часа в три пополудни, обедать.

В период своего обращения в барселонскую веру я частенько ел в рыбных ресторанчиках. Они, подобно деревянным пальцам, тянулись на пляж в Барселонету — треугольник из многоквартирных домов, занимающий северную оконечность порта, созданный одним инженером в XVIII веке, чтобы поселить рыбаков и рабочих, которые остались без крыши над головой после завоевания Барселоны Бурбона-

ми в 1714 году. Этих ресторанчиков больше нет, они стерты с лица земли правительством социалистов, затеявшим переустройство морского берега. А тогда они были весьма популярны и дешевы. Лучший из них назывался «El Salmonete», но все они выглядели примерно одинаково. Сначала ты проходил мимо открытой кухни с дымящимся грилем, на котором в тазах с кипящим маслом булькали морепродукты, а также мимо гигантской выставки ингредиентов блюд — круглых подносов с *cigalas*¹, скорчившимися на льду; мимо гор красных креветок, сеток с зубаткой, морским волком, кальмарами, мелкой камбалой, сардинами, морским чертом с жабьей головой; мимо садков с живыми омарами (*Palinurus vulgaris*, названных так по имени утонувшего афинского кормчего Палинура). Разумеется, ты старался сесть поближе к дверям и, следовательно, к морю. Потом начиналось общение с каталонским меню.

Приносили маленьких морских ежей, похожих на белые спагетти в кипящем масле; красных, с «гусиными шеями» раков — *percebes*; ставили на стол *parilladas*, овальные стальные блюда, наполненные жареной на гриле рыбой восьми сортов. Длинная шумная комната была полна, за деревянными столами сидели целые семьи, представители трех поколений, от патриархов с изборожденными морщинами лицами и похожими на щетки усами до благоухающих подливкой с чесноком младенцев, посасывающих кусочки первых в жизни кальмаров. А снаружи, за стеклянными дверьми, было так много народа, что, казалось, все работающее население Барселоны проводит свой обеденный перерыв на пляже. Ничего, что песок сероватого цвета и повсюду пластмассовый мусор. Это был популистский рай, похожий на зарисовки Кони-Айленд, сделанные Реджинальдом Маршем в 1930-х годах, или на Бонди-Бич в Сиднее, с которым я расстался в 1964-м.

¹ Омарами (кат.).

Барселонета являла собой весьма демократическое зрелище, ничуть не похожее на другие известные мне районы Средиземноморья. За стаканчиком вина среди шума и гама мне пришла мысль, что в Барселоне противопоставление «труд — капитал» всегда считалось более важным, чем оппозиция «знать — простолюдины». Демократические корни здесь очень давние и глубокие. Источники здешней средневековой хартии о правах гражданина, *Usatges*, старше Великой хартии вольностей более чем на сто лет. Здешнее правительство, Консей де Сент (Совет Ста) — самый старый протодемократический политический орган Испании. Для него ремесленники и рабочие имели равные права с землевладельцами и банкирами. Каталонцы показали себя яркими «профсоюзными деятелями» еще в те времена, когда большинство других жителей Испании почтительно склонялись перед тронем. В городе во все времена случались сильные вспышки классовой ненависти, начиная с пожара в конvente в 1835 году, при всех переворотах 1840-х и 1850-х годов, при анархистах с их бомбами в 1890-х годах, в период антиклерикального разгула 1909 года, известного как *Semana Tragica* («Трагическая неделя»), в годы яростного и упорного сопротивления Франко, сопровождавшегося предательствами и ужасными междоусобными конфликтами между анархистами, республиканцами, сталинистами, в гражданскую войну 1936—1939 годов. И все это, по крайней мере в глазах молодого и с левым уклоном писателя 1960-х годов, заставляло Барселону выглядеть более романтической, чем другие города Испании. Независимость барселонского рабочего класса нашла отражение даже в песенке, исполняемой в кабаре, о девушке из Сантс, квартала между Монтжуиком и морем. Раньше там были крупные ситцевые мануфактуры.

Soc filla de Sants,
tinc les males sangs

I les tares
de la libertat.

Я дочь Сантс,
Капризна и своенравна,
Вспыльчива, но бесправна.
Родили меня свободной,
К фабричной тюрьме негодной...

Я восхищался проявлениями свободолюбия с наивной горячностью, свойственной (к счастью или к сожалению) двадцатилетним. Но что иностранцы, в том числе и двадцатипятилетние искусствоведы и критики, могли знать о Барселоне и ее особой местной культуре двадцать пять лет назад? Почти ничего. За тысячу пятьсот лет своего существования Барселона дала всего лишь пять значительных имен, которые сразу приходят на ум: виолончелист Пау Казальс, художник Жоан Миро и его несколько потускневший современник Сальвадор Дали, причем двадцать пять лет назад оба еще были живы, и покойный архитектор Антони Гауди, которого большинство иностранцев считали тоже чем-то вроде сюрреалиста. Ну и Пикассо — он учился здесь в юности, сохранил сентиментальную привязанность и воспоминания о здешней богеме конца века. Барселона стала трамплином, с которого он прыгнул в гущу парижской жизни. Есть также и некоторые литературные ассоциации: Жан Жене, например, поместил действующих лиц своей пьесы «Балкон» в обветшалый публичный дом, который в 1960-х годах все еще существовал в Эйшампле. Это было заведение с обшарпанными комнатами, напоминавшими о допотопной ярмарке в Тибидадо. Там была, кроме обычных в таких местах «подземелий» и «сказочных гротов», например, комната, сделанная под купе «Восточного экспресса». Кровать дрожала, а мимо окна проплывала грубо намалеванная диорама Альп, которую то и дело заедало. В этом доме вовсе не

разыгрывались те дикие страсти, какие изобразил Жене, и посещали его в основном каталонские бизнесмены весьма мирного нрава, любившие сыграть с девушками в пачиси¹.

За исключением наиболее известных построек Гауди, таких как Саграда Фамилия или Ла Педрера («Каменоломня», как все называют извилистое жилое здание, официально известное под именем Каса Мила на Пассейч — по-испански Пасео де Грасия), остальная часть города могла бы быть выстроена, на взгляд иностранца, хоть марсианами. Барселона пережила два заметных периода градостроительства: первый — в Средние века, когда был создан Старый город, и второй — между 1870 и 1910 годами, когда возник Эйшампле, Новый город. Большинство зданий Нового города выстроено в узнаваемом стиле «ар нуво», а в середине 1960-х годов этот стиль еще не реабилитировали. Для большинства это все еще был устаревший стиль, не подлежащий реставрации. Каприз, чудачество — он мог понравиться разве что хиппи.

Не существовало никаких путеводителей по Барселоне, которые могли бы оказаться хоть сколько-нибудь полезными. Кто за пределами Каталонии когда-нибудь слышал о таких архитекторах, как Луис Доменек-и-Монтанер, например, или Хосеп (Жосеп) Пуиг-и-Кадафалк? Или, скажем, об инженерере-социалисте Ильдефонсе Серда-и-Саньере, который в 1859 году начертил сетку Эйшампле, план первого города-утопии, возможно, единственного города, построенного для его граждан, для самих жителей? Кто из иностранцев, кроме разве что нескольких специалистов, владевших каталанским, мог прочесть стихи ведущих барселонских поэтов периода 1875–1925 годов — Жасинта Вердагера, Жоана Марагаля, Хосепа Канера? Или мускулистую, яркую прозу неутомимого хрониста Хосепа Пла,

¹ Пачиси — традиционная индийская игра, в современном варианте нечто вроде комбинации шахмат и лото.

биографа этого города? Ни один из тех, кого я знал, и, конечно, не я сам. Легкая на подъем и не зависящая от языковых превратностей живопись гораздо легче пересекала границы. Вы, конечно, могли не понять (и, разумеется, не понимали) живописи Миро, потому что не ухватывали истинно каталонского духа, пронизывавшего многие его образы, и упускали отсылки на местные реалии, намеки, непонятные не побывавшему в Каталонии в 1900-е годы и не знающему чего-то важного о ее фольклоре и укладе. То же самое можно сказать и о Дали. Но вы, безусловно, улавливали главное, что выходило за пределы местного колорита, — сюрреализм. С другими аспектами каталонской культуры все обстояло иначе, так что город оставался для иностранцев... неразборчивым. А политическая история города, написанная на его камнях? Никто, кроме самих каталонцев, и то не всех, не понимал эти письма.

II

Настоящее же представляло собой полную неразбериху. В конце 1960-х годов очень небольшая часть жителей Барселоны помнила демократическое правление в Испании. Рожденные после 1925 года не помнили ничего. Диктатура Франко началась в 1939 году, и ей суждено было продлиться до 1975 года: тридцать шесть лет непрерывной власти одного человека, державшейся на мести и безжалостном сведении счетов с несогласными. Каудильо начал с подавления всякого сопротивления со стороны каталонцев. Тысячи левых были расстреляны без суда и следствия, начиная с самой верхушки, с Луиса Компани, последнего республиканского президента Женералитат — правительства провинции Каталония. Их тела (никто не знает, сколько их было, фалангисты не вели учета) сбросили в карьер на южном склоне Монтжуика. И даже через двадцать лет, после дождя, в этом месте можно было уловить идущий от земли слабый, но упор-

ный запах тлена. Сотни тысяч каталонцев, как, впрочем, и испанцев, были сосланы или депортированы.

Оппозиционные партии продолжали существовать в Каталонии после 1939 года, терпимые, хоть и еле-еле, только для того, чтобы несколько смазать впечатление единовластия. Был, например, Национальный фронт Каталонии, левая националистическая группировка, и Свободный фронт, состоявший в основном из марксистов и анархо-синдикалистов, в действительности осколок Рабочей партии марксистского единства (POUM), сыгравшей такую важную роль в Каталонии в гражданскую войну. Но за ними зорко присматривали, к тому же они были крошечными и ни на что не влияли. Хотя барселонские рабочие кипели негодованием на Франко, профсоюзы были слишком слабыми, чтобы обеспечить сколько-нибудь организованное сопротивление. В послевоенные годы случилась лишь одна значительная забастовка, в 1951 году, в знак протеста против повышения платы за проезд в трамваях, которые вскоре все равно упразднили. Это последний протест, высказанный каталонскими рабочими поколения гражданской войны. В 1950-е годы все антифранкистские надежды были похоронены, и даже жалкая надежда на моральную поддержку из-за границы умерла, когда Франко в 1953 году подписал договоры с Ватиканом и Соединенными Штатами.

Одним из основных постулатов франкистской идеологии был централизм: предписывалось свято верить, что Испания — целостный организм с центром в Мадриде. Как сказано в знаменитой фразе Ортега-и-Гассета, «Испания — вещь, сделанная в Кастилии». У этой концепции долгая история. Она лежала в основе политики, которую вели в отношении Каталонии Габсбурги, а затем и Бурбоны. Эту идею каталонцы рассматривали как вызов их политическому самосознанию. Последнее, однако, было утрачено в ходе гражданской войны. Барселона оказалась последним бастионом сопротивления Франко, и этого диктатор городу не простил.

После 1939 года Каталония перестала существовать как автономная область и была раздроблена на четыре более мелкие провинции.

Каудильо не любил Барселону не только потому, что она сопротивлялась, но еще и потому, что цари, императоры и диктаторы — неважно, правого или левого толка, — всегда испытывают недоверие к портовым городам. Уж слишком те открыты иностранным влияниям, странным, чужеродным идеям. Это ненадежные области с эмоционально лабильным населением. Туда, в отличие от закрытых столиц, легко войти, и выйти оттуда тоже нетрудно. Порт — место, где «квинтэссенция» страны, такая, какой себе ее представляет правящая власть, начинает испаряться и улечиваться. Вот почему последователи Петра Великого переместили столицу России из Санкт-Петербурга в Москву. Вот почему Кемаль Ататюрк, унаследовав одну из величайших в мире столиц, Стамбул, решил создать новый административный центр в Анкаре. Вот почему абсурдный, искусственный Бразилиа, а не Рио-де-Жанейро является главным городом Бразилии. Вероятно, руководствуясь такими резонами, Франко хотел дать понять Барселоне, что она отныне не является столицей чего бы то ни было.

Но главная муть фашизма своему поверженному врагу носила культурный характер. Свобода мысли, публикации, преподавания подавлялась по всей Испании, но в Каталонии под запретом оказался и язык. Гражданская война была войной классов, но Франко ясно видел, что каталонцев, кроме всего прочего, вдохновляет национальное чувство и что оно тесно связано с сохранением и использованием родного языка.

В 1714 году в наказание за то, что Каталония приняла не ту сторону в войне за испанское наследство, Филипп V запретил публичное использование каталанского языка в преподавании, печати, правительственных делах. Логика была проста: лишённые родного языка, каталонцы не смогут боль-

ше вынашивать сепаратистские замыслы. Эта стратегия провалилась, но после 1939 года к ней снова прибегнул Франко, и с гораздо большим рвением и успехом. В результате в 1966 году, гуляя по Рамблас и слыша каталанскую речь на каждом углу, вы видели на стендах газеты, а в киосках журналы и книги на всех языках — испанском, немецком, английском, французском, голландском, шведском, — на всех, кроме одного — каталанского. Официальная линия была такова: каталанский — всего лишь диалект испанского, и в качестве диалекта, источник национальной розни, бесполезная лингвистическая окаменелость. «Можно сказать, — сообщалось в одном из учебников того времени, составленном в виде перечня вопросов и ответов, — что в Испании говорят только на испанском языке. Кроме него используется баскский. В качестве единственного языка баскский сохранился лишь в нескольких деревушках. Его функции сведены к диалектным из-за его лингвистической и филологической бедности. Вопрос: какие основные диалекты используются в Испании? Ответ: четыре — каталанский, валенсийский, галисийский и диалект жителей Майорки».

На самом деле это неправда. Каталанский — не диалект кастильского. Однако франкистская кампания оказалась успешной — и это выяснилось очень быстро. Писатели, конечно, могли писать по-каталански в знак протеста, но автоматически теряли связь с читателем, так как у написанного по-каталански шансов на публикацию было немного. В 1960-х годах, однако, запрет несколько ослаб. С 1959 года интеллектуалы и ученые стали обращаться в правительство с просьбами «нормализовать» использование каталанского языка, правда, без особого успеха. В 1962 году начал осуществляться редакторский проект «Издание-62», целью которого было опубликовать в возможно более полном виде значительные художественные и исторические тексты, написанные на каталанском языке, начиная от ранних хроник Жауме (Хайме) I и Берната Десклота и вплоть до совре-

менности. В 1967 году режим неохотно позволил Барселонскому университету открыть каталанское отделение, занятия на котором тем не менее велись на кастильском — каталанский преподавали как иностранный язык, наравне с французским, скажем, или английским. В 1970 году в средних школах разрешили преподавать каталанский, но на тех же условиях, и курсы изучения каталанского в школах стали повсеместными лишь после 1975 года, года смерти Франко.

В 1966 году каталанский официально все еще считался запрещенным языком — даже вывески на магазинах и названия улиц должны были быть на кастильском, а в памяти свежи были фалангистские антикаталонские лозунги вроде: «Perro Catalan, babla en cristiano» («каталонская собака, говори по-христиански») или еще грубее: «No ladres! Habla la lengua del imperio!» («Не гавкай! Говори на языке империи!»). Большинство каталонцев, особенно в сельской местности и в провинциальных городах вокруг Барселоны, разумеется, говорили по-каталански. Но столь долгая и упорная кампания против языка не могла не возыметь действия, которое чувствуется даже сегодня. Через одиннадцать лет после смерти Франко перепись 1986 года показала, что 89 процентов жителей Каталонии в возрасте между сорока пятью и шестьюдесятью четырьмя годами (то есть те, кто повзрослел во время диктатуры, — 1,36 миллиона человек) понимают по-каталански, когда с ними говорят на этом языке, но лишь 59 процентов могут говорить сами, 55 процентов читают на нем и всего лишь 20 процентов пишут. В то же время из 1,39 миллионов каталонцев в возрасте от пятнадцати до двадцати девяти лет — тех, кто получил образование после смерти каудильо, — 95 процентов понимали разговорный язык, 73 процента говорили на нем, 75 процентов читали и 48 процентов писали. Язык обязан своим выживанием упорной устной традиции, но увеличение количества владеющих им после 1975 года объясняется также агрессивной образовательной программой, запущенной новыми демо-

кратическими правительствами как провинции Каталония, так и города Барселоны. «Насаждение» и «прививка» каталонского (два слова, любимые новым поколением социологов) явились необходимой прелюдией к каталонскому *autodeterminació*¹ — что бы ни значило это слово.

Сильнейший спонтанный импульс к реставрации каталанского среди молодежи 1960-х годов дали популярная фольклорная музыка и ранний рок, который почти автоматически приобрел политическое звучание. Популярные певцы, которые писали и исполняли свои песни на каталанском, видели себя наследниками Карлоса Арибау-и-Фаррильса, поэта-романтика, чья «Ода к Родине», написанная по-каталански в 1833 году, стала символом и отправной точкой культурного сепаратистского движения « *Renaixença*»² в Барселоне XIX века. В 1959 году увидел свет манифест движения «Новая песня» (*Nova Cançó*) — статья Луиса Серима о праве на исполнение популярных песен на языке своего народа. Быстро образовалось талантливое ядро «Новой песни», лучшей группой этого направления стала «*Els Senze Jutges*» («Шестнадцать судей»), обязанная своим странным названием паролю патриотически настроенных каталонских войск времен восстания против оккупационной армии в 1640 году («войны жнецов»): «*Setze jutges d'un jutjat menjen fetge d'un penjat*» («Шестнадцать судей трибунала едят печень повешенного»). Считалось, что ни одному «шепелявому кастильцу» не под силу преодолеть это скопление фрикативных звуков. «Новая песня» быстро стала популярной. Каналы государственного радио и телевидения не хотели выделять «Новой песне» время. В 1968 году вышел шумный скандал на испанском телевидении: певец Жоан Мануэль Серрат, избранный представлять Испанию на конкурсе «Евровидение», настаивал на том, что будет

¹ Самоопределению (кат.).

² «Возрождение» (кат.).

петь по-каталански, и был отстранен от участия в конкурсе в последнюю минуту. Но, несмотря на постоянные препоны, штрафы и запреты, пластинки широко продавались. Две песни стали символами антифранкистских настроений среди молодых: «L'Estaca» («Ставка») Луиса Льяка и «Di-guem No» («Скажем “нет”») Рамона Пелегро, взявшего псевдоним Раймон.

Повсеместное проникновение франкизма в 1960-х годах и, что греха таить, уступки режиму, на которые пошел осторожный каталонский средний класс, — он приспособился к новому правлению после гражданской войны так же скоро, как двести лет назад привык к наместникам короля Филиппа V Бурбона, — делали недовольство барселонской молодежи скорее символическим, нежели деятельным. Молодая Барселона, как едко писал Мануэль Васкес Монтальбан, привыкла считать себя печальной красавицей в плену у чудовища. Поражение студенческой революции во Франции не стало для нее сюрпризом, так как она давно уже превратила бессилие в стиль:

В конце 1960-х годов тонкий социальный слой молодых образованных барселонцев, которые отправились во Францию посмотреть на Майскую революцию, или в Перпиньян полюбоваться на задницу Марлона Брандо, или в Ле Було на марафон фильмов, запрещенных Франко, все-таки неизбежно обречены были вернуться назад, в стойло, где ждал злой людоед, — и желательно до полуночи, как Золушка с бала. Ясно, что этим людоедом была добавочная стоимость. Сложные взаимоотношения парочки Марат и Сад в Испании, в Каталонии, в Барселоне, превратились в живописный *ménage à triès*¹: Марат, Сад и Франко.

¹ Любовь втроем (фр.).

Левый шик был так же распространен в Барселоне в конце 1960-х и начале 1970-х годов, как в Нью-Йорке и Лондоне. Знаковым моментом на Манхэттене стал фонд Леонарда Бернстайна в пользу «черных пантер», в Барселоне эту роль сыграл Ориоль Рега, хозяин модного ресторана «Бокаччо». Несколько лидеров движения баскских сепаратистов были приговорены к смертной казни в Мадриде, и каталонские левые в знак протеста заняли монастырь Монтсеррат. Рега сделал жест, по бескорыстию достойный монаха-доминиканца, а по апломбу — Марии-Антуанетты: отправил небольшой фургон, полный дорогих сандвичей с копченым лососем из «Бокаччо», на святую гору, чтобы занявшие монастырь не проголодались во время ожидавшейся полицейской осады (ее не было: радикалы съели бутерброды и ушли).

Отвратительно распущенная по пуританским стандартам франкизма и с каждым днем все сильнее распускающаяся — в стиле *esquerda divina* («божественное лево», разумеется, игра слов, по контрасту с «божественным правом» испанских монархов, узурпированным Франко), — в своих барах и клубах на Каррер Тусет, Барселона 1960-х годов явно более ориентировалась на Париж, Лондон и Нью-Йорк, чем на Мадрид. Но, безусловно, чувствовалось и сильное влияние Франко, и не только в том, что имело отношение к языку, но и в композиции, формах и структуре самого города.

III

Барселона привыкла часто менять мэров и муниципальные власти. Между 1890 и 1900 годами, например, сменилось не меньше пятнадцати мэров. После победы Франко в гражданской войне эта карусель остановилась. Дольше всех за всю историю Барселоны на посту мэра задержался ставленник Франко Хосеп Мария де Порсиолес-и-Коломер, который стал главой Ажунтамент — городской мэрии в мар-

те 1957 года и провел на этом посту шестнадцать лет подряд, уйдя на покой в 1973 году, за три года до смерти своего покровителя. Этот период однопартийного правления ознаменовался огромными переменами в структуре населения и экономике Барселоны.

Между 1920 и 1930 годами население Барселоны выросло на 41 процент, достигнув одного миллиона человек в конце десятилетия и сделав Барселону одним из самых населенных городов Испании. Город принимал ежегодно двадцать пять тысяч иммигрантов, большинство — из сельской местности самой Каталонии. По понятным причинам этот рост почти прекратился во время гражданской войны, и население стало расти вновь только в начале 1950-х годов. Потом началась массовая иммиграция в Каталонию из нищенски бедных районов юга Испании, особенно из Андалусии. К 1965 году два миллиона человек, половина всего населения Каталонии, жили в Барселоне. Сегодня здесь почти четыре миллиона жителей, столько же, сколько в Сиднее или Лос-Анджелесе.

Рост продолжался, правда не так быстро, все 1970-е годы, и его влияние на структуру города было огромным. Увеличение численности населения обеспечивало человеческий материал для индустриального роста Барселоны, который набрал неслыханный темп. Понятная прежде структура города тоже стала меняться. При правительстве Порсиолеса не было разумного и грамотного городского планирования. В 1950-е годы Барселона разрослась и превратилась в бесформенную сеть фабрик и промышленных свалок. Подобно Новому городу в XIX веке, Эйшампле поглотил деревушки, считавшиеся довольно отдаленными и отдельными от Старого города — Сантс, Грасиа, Сант-Андреу, — так что новая Барселона последних лет правления Франко вобрала в себя более двадцати соседних городов и приобрела индустриальный пояс, протянувшийся на юг до самой реки Льобрегат. Только с 1964 по 1977 год более пятисот промыш-

ленных компаний построили свои предприятия на этой разросшейся периферии: автомобильные и металлообрабатывающие заводы, предприятия по производству пластмассы, химикатов, синтетического волокна.

Первыми результатами такой экспансии стали рост промышленных свалок и массовое разрушение существовавших зданий, бесконтрольное, за неимением действенных законодательных актов и средств инспекции, призванных его остановить. Затем, чтобы разместить новых рабочих, стали возводить огромные прямоугольные кварталы многоквартирных домов. Их названий не услышит приезжающий в Барселону турист — Торрент Корнал, Ла Педроса, Беллвитж, Ла Гвиненета, Вердум, Сингерлин. (Туристы тем временем, с 1950-х годов, тоже начали посещать Каталонию — по пути на Майорку и на порядком испорченные пляжи Коста-Брава к северу от Барселоны, то есть в первый, «рыбно-картофельный», пояс средиземноморской туристской индустрии, которому, кстати, тоже требовались рабочие руки мигрантов.) Население некоторых близлежащих деревень, таких как, например, Санта-Колома де Граманет, с 1950 по 1970 год увеличилось в семь раз. Здесь можно было сколотить целые состояния на шлакоблоках, дешевой терракоте, электросети, водопроводных трубах. И если вы были в хороших отношениях с местными властями, то могли считать, что состояние у вас в кармане. Как писал Свифт: «И всем, кто строить начинал, / Богатства бог патроном стал»¹. Это были испанские кузены *grandes ensembles*, которые привели к такой нищете и отчуждению французских рабочих того периода. Муравейники, построенные спекулянтами с лицензией от наместников каудильо, спроектированные без подъездных путей, детских площадок, без всякой мысли о какой бы то ни было инфраструктуре и заботы об удобстве жителей, очень часто из плохих материалов, через несколько лет начинали

¹ Свифт Дж. «Дом Ванбру». Из дневника 1710–1713 годов.

разваливаться. Они служат иллюстрацией того, что, когда речь идет о градостроительстве, нет большой разницы между левыми и правыми: франкистская Испания показала те же результаты, что и брежневская Россия или Франция Помпиду, потому что невнимание и жадность — пороки, свойственные всему человечеству. Сейчас принято винить Порсиолеса и в его лице франкизм во всех недостатках городских построек и коммунальных служб Барселоны периода от окончания войны до 1975 года, будто идеология каудильо обладала какой-то особенной, несвойственной другим политическим системам способностью заставить город деградировать.

А правда заключается в том, что ни капиталистические страны (Англия, Франция, Италия, США или Австралия), ни марксистские режимы (Россия и ее европейские сателлиты) не преуспели в градостроительстве больше, чем Порсиолес. За эти три десятилетия очень мало кто из облеченных властью людей по всему миру, будь то левые, правые или центристы, выступал за разумный подход к городскому планированию и принимал ответственность за исторический облик города и окружающую среду; мало кто рискнул сделать это не только в печати, но даже устно. И намек на заботу о целостности облика города, о планировании больших и малых построек, промышленных и жилых, о том, чтобы сохранить то, что уже имелось, не промелькнуло в речах городских властей до середины 1970-х годов, и Порсиолес, возможно, был ничуть не хуже своих коллег в Лондоне, Нью-Йорке или Риме. В конце концов именно в это время собор Св. Павла закрыли весьма посредственными высотными зданиями, создали таких уродов, как Прюитт-Айгоу в Сент-Луисе, и загородили выход в море из старого города в Сиднее притиснутыми друг к другу небоскребами.

Конечно, приезжий, запертый в ревущем транспортном лабиринте между безликими стенами автотрассы, ведущей на север, в сторону Франции, а названной, назло здравому

смыслу, Meridiana («южная», 1971), или глядящий на варварские надрезы Виа Аугуста и Авингуда Женерал Митре, на эти насечки в духе Османа, которые так испортили верхнюю часть Барселоны XIX века, вряд ли помянет добрым словом Порсиолеса. Но, честно говоря, стоит признать, что тот был, в общем, не хуже своих коллег в других городах, и не представлять его таким уж чудовищем, как это принято сейчас среди *bien-pensant*¹ дизайнеров Барселоны. Кроме Fundació Miró (Фонда Миро) и трех-четырёх других построек, большинство зданий Барселоны Порсиолеса безлики, иные просто отвратительно безграмотны, а самое худшее из них, Ажунтамент, — мерзкая коробка из стекла и бетона, стиснутая со всех сторон готическими зданиями Старого города. Но, по крайней мере, Порсиолес не сносил построек Гауди, а в Нью-Йорке разрушили в 1960-х годах здания Маккима и Мида и вокзал Пенсильвания, одно из лучших мест в мире в стиле «бо ар».

Упущенное не менее содеянного омрачало облик Барселоны во франкистские годы. В городе не проводилось последовательной политики поддержания и реставрации исторических довоенных зданий. Царила энтропия, выросшая на питательной почве оппортунистических спекуляций и официальной коррупции. Гораздо дороже было превратить дворец XIX века в многоквартирный дом, чем снести и поставить на его месте семиэтажный барак. Через десять лет новый дом будет как картонный, но какая разница? Если новые окраины Барселоны представляли собой хаос, то Эйшампле и старый центр стали превращаться в помойку; одной из самых грязных частей города стал бульвар Рамблас, чья неоклассическая красота совершенно пропала за вывесками кабаков. И здесь политика правительства весьма способствовала беспорядку. Площадь с ближней к морю стороны Рамблас,

¹ Просвещенных, передовых (фр.).

Пласа Реаль, стала местом обитания наркоманов и проституток, и городской совет это вполне устраивало: сосредоточить отбросы общества, преступные элементы и хиппи в одном месте, чтобы удобнее было присматривать за ними.

Многие представлявшие архитектурную ценность ансамбли периода модернизма были либо разрушены, либо пребывали в полном небрежении, либо были испорчены неумелым «обновлением». Они рассматривались как безнадежно устаревшие и, следовательно, становились легкой добычей для коммерсантов всех мастей. Разумеется, такое случалось и раньше; самым вопиющим примером со времен республики был снос кафе «Турин» на Пассейч де Грасия, 18, маленького шедевра Гауди, который заменили отвратительной стеклянной «Жюйерия Рока» Хосе-Луиса Серта. Но деградация приобретала пугающие размеры, проявлялась не только в тоскливых новых постройках, занявших место великолепных старых, но также в общем упадке и отвратительном подновлении старого. Одной из жертв такой политики стала Каса Мила Гауди на Пассейч де Грасия. К началу 1980-х годов она находилась в весьма плачевном состоянии. Фрески на входной двери стерлись до неузнаваемости. Мезонин превратился в зал для игры в бинго, фасад обезобразила неоновая подсветка, прямоугольные металлические рамы закрыли окна на уровне улицы, так как владельцы магазинов не желали тратить деньги на рамы, которые своей формой соответствовали бы форме окон. Здание, помимо всего прочего, было очень грязным — кремово-белый известняк Монтжуика стал темно-коричневым.

А через улицу можно было полюбоваться на пример еще большего вандализма, совершенного над домом Доменек-и-Монтанера Каса Лео Морера фирмой кожаных предметов роскоши под названием «Леве». Эти изготовители дамских сумочек испортили весь фасад, разрушив скульптуры Эусеби Арнау, а также остальные детали декора, а вместо них

Содержание

Предисловие	5
Цвет убегающей собаки	10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАРЫЙ ГОРОД

Глава 1. Владения косматого героя	86
Глава 2. «Если нет — тогда нет»	150
Глава 3. Под цитаделью	247

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НОВЫЙ ГОРОД

Глава 4. Ослепленные любовью к языку	328
Глава 5. На ярмарку	395
Глава 6. Пир модернизма	481
Глава 7. Отшельник в пещере созидания	595
Библиография	693